

После того как Сяо Му завершил все свои злодеяния, он, испытывая полное удовлетворение, отряхнул рукава и собрался уходить, но тут у него появился неожиданный гость.

Юная принцесса Чанлэ, узнав о том, что Сяо Му отравлен, тайком выбралась из дворца глубокой ночью, крепко сжимая в руке шкатулку из белого нефрита. Она подошла к его постели. Сяо Му, полулежа на кровати, смотрел на принцессу, одетую в простое платье.

Она протянула ему шкатулку. Внутри лежала Пиллюля Защиты Сердца. О том, насколько трудно было её раздобыть, принцесса не проронила ни слова, лишь упрямо протянула это единственное спасительное лекарство. Встретившись взглядом с принцессой, Сяо Му не стал отказываться.

После долгого молчания, во время которого они смотрели друг на друга, принцесса медленно заговорила, извлекая из рукава жетон.

— Это пропуск из города. Береги себя, и давай больше никогда не встретимся.

Эти слова стали для Сяо Му неожиданностью. Неужели эта наивная принцесса, выросшая в глубине дворца, о чем-то догадалась? Он ведь так тщательно заметал следы, не оставляя никаких улик. Неужели она догадалась лишь по наитию? Сяо Му и раньше был неплохого мнения о принцессе, а теперь и вовсе проникся к ней симпатией.

Он снова вздохнул: жаль, что в этот раз его сделка не касалась принцессы. Её душа была настолько восхитительна, что он едва сдерживался, чтобы не поглотить её прямо сейчас.

Принцесса действительно догадалась обо всем по наитию. Она изучала прошлое Сяо Му — всё было безупречно, но её не покидало ощущение, что что-то не так. Интуиция подсказывала ей, что этот человек гораздо сложнее, чем кажется, а принцесса привыкла доверять своему чутью. Однако, даже понимая, что с этим мужчиной что-то неладно, было уже слишком поздно — сердце принцессы давно принадлежало ему.

Долго размышляя в одиночестве, она еще не успела придумать, как поступить, когда до неё дошла весть о том, что Сяо Му при смерти. И прежде чем разум успел отдать приказ, тело само приняло решение. Принцесса Чанлэ пристально смотрела на человека перед собой, стараясь запечатлеть каждую черту его лица в своей памяти, и, закрыв глаза, тихо произнесла:

— Это пропуск из города. Береги себя, и давай больше никогда не встретимся.

Она была принцессой, и то, что она сейчас сделала, уже выходило за рамки дозволенного, но она не могла противиться выбору своего сердца. Отныне она будет прилежно играть роль принцессы.

— Береги себя, — принцесса поднялась и без колебаний ушла. Лишь когда она отвернулась, на

её спокойном лице промелькнула тень печали. Наверное, он забудет её.

Сяо Му смотрел ей вслед, потирая подбородок. Чистая, манящая душа. Принцесса была права в своих словах при первой встрече: он действительно запомнил её, принцессу Чанлэ. В тот момент, когда она отвернулась, Сяо Му незаметно подложил Пилюлю Защиты Сердца обратно ей в одежду. Негоже ему, человеку в летах, пользоваться вещами юных дев.

Пропуск из города он оставил себе — не придется грабить кого-то по пути. Его принцесса оказалась такой предусмотрительной и милой.

Три дня спустя Сяо Му инсценировал свою смерть и, взмахнув рукавами, покинул государство Ло. Пока император Ло готовился наблюдать за междоусобной борьбой своих сыновей, Ло Лицзюэ, обнаружив оставленное Сяо Му письмо, начал действовать: внешне он продолжал ожесточенно грызться с наследным принцем, но втайне готовил захват власти.

Вскоре государство Ло погрузилось в хаос. Император оказался застигнут врасплох ударом со стороны третьего принца, который давно выжидал своего часа. Занятые перегруппировкой сил, они, естественно, начали отзывать войска с границ. Изначально локальный конфликт между принцами не должен был иметь таких масштабов, но третий принц втянул в него самого императора. К тому времени, как государь осознал опасность, пламя, разожженное третьим принцем, превратилось в лесной пожар, который было уже не потушить.

Ах, Чжуан Вэньюй, ну и хитрец! Император Ло в ярости усмехнулся. Ценой одной жизни он перевернул всё вверх дном в его государстве. Из какой он страны? Чжао? Юй? Сунь? Когда я перебью всех этих изменников, я сотру с лица земли весь этот мир!

Войска с границ были спешно отозваны, и терпящее бедствие государство Хуа наконец смогло перевести дух. Именно эта передышка была нужна Сяо Му, чтобы успешно реализовать все свои планы. Одно крошечное изменение способно вызвать цепную реакцию, подобно домино.

Сяо Му подтолкнул первую костяшку и уже чувствовал сладкий аромат души, которая достанется ему после выполнения задания.

Когда император Ло закончил разбираться с внутренними распрями, он с изумлением обнаружил, что государство Хуа, которое он считал беспомощной рыбой, ожидающей ножа, превратилось в могучего зверя. Некогда грозное государство Ло теперь не смело и пошевелиться, будучи скованным со всех сторон.

В этот день генералы государства Хуа собрались в одном шатре. Те, кого снаружи почитали тысячи и кому поклонялись толпы, сейчас покорно опустили на колени перед молодым человеком, занимавшим главное место, а их голоса дрожали от волнения.

— Великий генерал, вы вернулись! — им не нужно было спрашивать, что он делал всё это время, и не нужно было ломать голову, как защитить страну под натиском государства Ло. Их вера вернулась, и им оставалось лишь безукоризненно исполнять приказы Сяо Му, чтобы увидеть, как надежда шаг за шагом становится реальностью.

Вернувшись в Хуа, Сяо Му вновь стал для них непоколебимым и несокрушимым богом-хранителем. Он слегка улыбнулся, и в его взгляде блеснула сталь великого полководца:

— Вы славно потрудились в эти дни.

Встретив устремленные на него полные ожидания взгляды, Сяо Му произнес:

— А теперь следуйте за мной. Мы вернем государству Хуа сто лет мира и процветания!

В тот день солдаты Хуа, которые до этого лишь отступали, внезапно преобразились, словно им влили в жилы ярость. Их боевой дух взлетел до небес, а действия стали быстрыми и неуловимыми, как у призраков. Всё выглядело так, будто их снова повел за собой тот самый человек. Армия превратилась в острую стрелу, которая пронзила сердце врага.

Войска Ло были застигнуты врасплох и, терпя поражение за поражением, всего за пять дней в панике отступили за пределы границ Хуа. Лишь оказавшись на своей территории, ошеломленные солдаты смогли перевести дух.

Наконец-то можно было отдохнуть. Бесконечное бегство день и ночь вымотало их до предела. Безумцы из Хуа — неужели они не знают усталости?! Стоило врагам остановиться хоть на мгновение, как солдаты Хуа тут же настигали их, подобно притаившейся ядовитой змее, вырывая куски плоти. Те, кто не успевал среагировать, погибали и оставались лежать в дикой степи, обглоданные зверями до костей.

Неужели Юй Чэнь не погиб? Невозможно. Эту новость распространили люди генерала Бай Сюанькэ, ошибки быть не могло.

Тень страха легла на души солдат Ло. Каждый раз, когда им казалось, что Хуа вот-вот сломят, они получали сокрушительный удар. Хуа напоминало парадокс: чем хуже складывалась обстановка, чем слабее становились их силы, тем яростнее и безжалостнее они становились, внушая врагам леденящий ужас.

Кто бы мог подумать, что еще несколько месяцев назад армия Хуа была лишь сборищем стариков, слабых и больных, без капли боевого духа? Убить их тогда было так же просто, как раздавить муравья. Когда же всё изменилось?

Солдаты Ло сидели на земле, тяжело дыша, пот смешивался с пылью и кровью, оставляя грязные извилистые следы на лицах.

Казалось, стоило тому генералу выйти на поле боя, как армия Хуа стала невероятно свирепой. Они превратились в змею, наносящую один смертельный удар за другим, неуловимую и скользкую. Тот человек превратил разрозненную толпу в гигантского зверя, он зажег в сердцах людей Хуа огонь, который не угасал. Пока этот генерал был с ними, враги не могли даже помыслить о сопротивлении, они дрожали перед солдатами Хуа всем сердцем.

Когда до них дошли слухи, что генерал Бай Сюанькэ лично убил того полководца, больше всех радовались обычные солдаты Ло. Генералы и знать не видели в лицо ужаса армии Хуа, они лишь видели, как их войска отступают, не зная, что каждое их движение было известно врагу заранее, что они постоянно попадали в засады. И хотя после гибели вражеского генерала солдаты Хуа стали еще безумнее, солдаты Ло всё равно вздохнули с облегчением, решив, что победа уже у них в кармане. И действительно, даже при всей свирепости солдат Хуа, они не могли остановить наступление Ло, теряя город за городом.

Но в этот критический момент солдаты Хуа внезапно обрели божественную помощь. Они стали неуловимы, не только защищая свои города, но и перейдя в контрнаступление. Это знакомое чувство трепета перед чужой волей, ощущение, что рядом скрывается невидимый призрак, заставило людей Ло дрожать от страха. Их ряды рушились, боевой дух исчез, даже руки, державшие оружие, тряслись.

Если солдат не может удержать оружие, исход войны предрешен.

Внезапно из воздуха появилась острая стрела, нацеленная в отдыхающего солдата Ло. Пронзительная боль в груди, наконечник вошел в тело, и перед тем, как мир погрузился во тьму, он в ужасе прошептал:

— Он вернулся!

Тот человек выбрался из бездны смерти!

Армия Хуа, собрав все силы, выгнала войска Ло далеко за пределы границ и начала восстанавливать силы. Но их отдых был нужен не для того, чтобы отразить контратаку, а для того, чтобы...

Напасть на государство Ло.

Лучшая защита — это нападение. Способ укротить тигра — вырвать его острые когти и клыки, сломать ему кости, запереть в клетке, заставить голод жечь его тело и вынудить склонить голову. Не склонишь — умрешь.

Умереть с достоинством или, сломав кости, влачить жалкое существование?

Император Ло, бледный как полотно, смахнул всё со стола на пол. Его грудь тяжело

вздымалась. Схватившись за сердце, он повалился на трон и взревел:

— Где Бай Сюанькэ?! Что он творит?! Если ему не нужно место генерала, пусть проваливает! Мне не нужны никчемные слабаки!

— Ваше Величество... — министр выглядел не лучше, он не смел произнести то, что вертелось на языке. Видя его состояние, император пришел в еще большую ярость, сорвал украшение с головы стоявшего рядом слуги и швырнул в министра. Бусины ударили в лицо, оно мгновенно распухло и покраснело, но министр, забыв о боли, поспешно выпалил:

— Бай Сюанькэ пропал перед битвой, в армии никто не знает, где он! Боюсь, он сбежал, испугавшись наказания!

— ...Повтори! — император соскочил с трона и вцепился в воротник министра, его глаза налились кровью, в них читалась лишь жестокость.

— Б-Бай Сюанькэ пропал, боюсь, он сбежал! — министр вздрогнул. Гнев императора был подобен грому, дышать стало трудно, но он был вынужден повторить, обливаясь холодным потом.

— Вон! Все вон!

Министры поспешно поползли к выходу, не смея встретиться с яростным взглядом монарха.

Когда император остался один, он рухнул на пол, прислонившись к ножке трона, и его лицо исказилось от отчаяния.

— ...Всё кончено. Всё кончено. — В этот миг он глубоко осознал, что значит фраза «ситуация безнадежна».

Одна ошибка тянет за собой другую.

А где же был Бай Сюанькэ, о котором они говорили? Он... он похитил бога-хранителя Хуа.

Сяо Му прекрасно знал, что кто-то проник в его шатер, но из-за того, что его нынешнее тело было практически разрушено, он не мог мгновенно отреагировать и был вынужден позволить себя увести. По тому, как бесшумно вошел гость, Сяо Му уже догадался, кто это.

Лишь когда они проскакали на лошади приличное расстояние, Сяо Му вернул себе контроль над телом. Он был полуприжат к похитителю: одной рукой тот обнимал его, другой держал поводья.

— Бай Сюанькэ.

— М? Ты проснулся, — Бай Сюанькэ, обнаружив, что пленник очнулся, ничуть не смутился, напротив, весело и непринужденно поздоровался, не сбавляя хода.

Сяо Му похитили в тот самый момент, когда их армия собралась у стен города Ло. Император Ло упрямо отказывался от переговоров, ситуация была на волоске. Отдохнувшие войска Хуа, полные решимости, один за другим захватывали города, не только вернув свои земли, но и ворвавшись на территорию врага. Добиться такого успеха силами одного государства было невозможно.

Истинной причиной, по которой Ло не смогли оказать сопротивления, было то, что против них выступили сразу пять государств, объединив свои усилия.

Пять враждующих и подозрительных друг к другу стран, убежденные неизвестным человеком, отложили свои распри и объединились в мощную силу. По отдельности каждое из этих государств было слабым, и великое Ло не принимало их в расчет, но, объединившись, они превратились в гиганта, загнавшего Ло в тупик.

В истории бывали случаи союзов, но пять стран вместе — это было неслыханно, сродни сказке. И этот союз не рассыпался, как карточный домик, подобно союзам Ли и Вэй в прошлом, а был нерушимым.

Это было чудо. Даже спустя сотни лет историки не могли понять, как тот божественный человек убедил остальные четыре страны объединиться с Хуа. Они снова и снова пытались разгадать загадку, пытались повторить этот опыт, но так и не смогли представить, как это удалось. Им хотелось создать машину времени, чтобы вернуться в ту эпоху и увидеть своими глазами этого ослепительного человека, чьи таланты не стерлись с веками. Тот мужчина был не просто верой для современников, его талант восхищал и потомков, заставляя людей современности бесконечно преклоняться перед ним. Были даже безумцы, которые, читая те древние тексты, влюблялись в этого человека — Юй Чэня.

Каково это — любить человека, жившего сотни лет назад? С одной стороны, безумно искать информацию о нем, с другой — пытаться собрать легендарную машину времени, что выглядит так нелепо и жалко.

Но даже ради одного взгляда на него, ради того, чтобы увидеть его вживую, стоило прожить эту жизнь.

В этот самый момент человек, чья душа не давала покоя многим потомкам, отцепил руку, лежавшую у него на груди, и спросил:

— Куда ты меня везешь?

Бай Сюанькэ дернул поводья, ускоряя бег коня.

— Не спеши, мы почти на месте.

— Я увожу тебя подальше от всего этого.

Бай Сюанькэ говорил непонятные вещи, но в его груди словно горел огонь, а улыбку на лице было почти невозможно сдержать. Убив Юй Чэня своими руками, он не почувствовал радости, наоборот, он словно потерял смысл жизни, став подобным ходячему мертвецу, механически управляющему своими эмоциями. На лице — улыбка, а в душе — проливной дождь. Раздражение росло с каждым днем, хотелось утянуть весь мир в ад.

Пятнадцать лет назад он уже был в аду, так почему же люди вокруг продолжали радоваться и страдать? Почему они не могли разделить с ним этот ад?

Армия Хуа без Юй Чэня казалась такой никчемной, что Бай Сюанькэ не испытывал к ней ни малейшего интереса, пока однажды солдаты Ло внезапно не стали действовать с призрачной ловкостью. Одного взгляда хватило Бай Сюанькэ, чтобы понять: он вернулся.

Он не умер!

Не нужно было знать, как Юй Чэнь выжил в той безвыходной ситуации, всё сознание Бай Сюанькэ было заполнено лишь одним:

Он — свет. Он — истинный свет!

Непобедимый, приносящий спасение миру, а он, Бай Сюанькэ, — страж этого света.

Бай Сюанькэ проник в лагерь Хуа и, не потревожив никого, похитил свой свет. Его свет уже однажды умирал, и он не позволит никому снова угрожать ему. Бай Сюанькэ с болью смотрел на бледное лицо Сяо Му: любой мог заметить, что жизнь этого человека угасает. Если его жизнь — это песок в разбитом сосуде, то песка почти не осталось.

Не бойся, я увезу тебя от всего этого, от этого уродства. Он не позволит крови и войне осквернить его свет. Его свет должен стоять под золотым солнцем, незапятнанный. Он отвезет Сяо Му в свою землю обетованную, где они будут жить в покое.

Сяо Му, услышав это, нахмурился. Слова Бай Сюанькэ были странными, но в них сквозила такая осторожность, словно он видел в нем некую опору, свой духовный стержень.

— Не нужно.

Бай Сюанькэ остановил коня и вытащил из рукава флакончик. Запах лекарства был точно таким же, как у того, что давала ему принцесса. Он насильно разжал челюсти Сяо Му, влил лекарство и заставил проглотить.

Это было редкое, чудодейственное средство, оно таяло во рту, разливаясь теплом, но, к сожалению, это тело было уже не спасти даже бессмертным. Лекарство оказалось слишком сильным, и Сяо Му потерял сознание. Бай Сюанькэ с благоговением поцеловал его в лоб:

— Ты не умрешь, не бойся.

Когда Сяо Му снова открыл глаза, он был в деревянном домике. Бай Сюанькэ принес еду, и выглядел он при этом пугающе хозяйственно, хотя содержимое миски казалось чем-то несъедобным.

Чем ближе он подносил её, тем сильнее Сяо Му чувствовал густой запах лекарств и едва уловимый аромат крови.

Бай Сюанькэ родился в семье, знавшей толк в колдовстве и гу. В этой миске он смешал множество ядовитых насекомых со своей собственной кровью. Все эти годы он был непобедим лишь потому, что в его теле жил Король Духовных Гу. Пока он был жив, любые раны заживали мгновенно. Под воздействием Короля Гу его тело стало невероятно сильным, у него не было соперников, а сама его кровь стала подобна лекарству.

И сейчас Бай Сюанькэ, не колеблясь, извлек Короля Гу. После этого его тело начнет стремительно увядать, а жизнь сократится, словно он растратил её авансом, но он не жалел.

Свет вечен, и он не позволит ему погаснуть.

Бай Сюанькэ положил Короля Гу в миску, намереваясь накормить Сяо Му. Тот оттолкнул миску, чувствуя крайнее отвращение.

Насекомое было скрыто черной жидкостью, но Сяо Му отчетливо чувствовал, как в ней извиваются толстые белые черви. В те времена, когда он был лишь мелким демоном, ему приходилось питаться демоническими личинками, и к такой «еде» у него выработалось физиологическое отвращение.

Его миссия в этом мире подходила к концу, и внезапное похищение Бай Сюанькэ его совсем не радовало. Хотя это тело было худшим из всех, что он когда-либо занимал, его собственная невнимательность была серьезной ошибкой. Подумав об этом, Сяо Му опрокинул миску на пол, не обращая внимания на протесты Бай Сюанькэ.

— Свет! Успокойся!

— Я генерал государства Хуа, я Юй Чэнь.

— Нет, ты — мой свет.

— Нет, я не он, — медленно произнес Сяо Му, и в его голосе звучала непреклонность. В глазах Бай Сюанькэ читалась мольба — он умолял его не произносить остальное.

— Твой сон должен закончиться. Я принадлежу государству Хуа.

— То, чего ты не смог достичь, — это лишь твоя упущенная возможность. И всё это не имеет ко мне никакого отношения.

<http://bllate.org/book/22170/2309549>